

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРАВОВОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ

© 2016 г. Равия Фаритовна Степаненко¹

В статье исследуются проблемы состояния современных правовых отношений, опосредуемого влиянием феномена отчужденности, “пограничности” и неадаптированности к ценностно-нормативной системе определенного числа субъектов права (правовая маргинальность). Осуществляется попытка междисциплинарного познания, выявления и обоснования теоретическим правоведением и социальной психологией (в их синергии) непосредственно социально-психологических и юридических механизмов, детерминирующих негативное влияние правовой маргинальности на сферу общественных отношений.

The article examines problems of quality of modern legal relations, mediated the influence of the phenomenon of alienation, “borderline” and “need adaptation” to the value-normative system of a certain number of subjects of law (legal marginality). Attempting interdisciplinary knowledge, identify and justify a theoretical law and social psychology (synergy) directly to the socio-psychological and legal mechanisms determining a negative impact of legal marginality to the field of public relations.

Ключевые слова: общеправовая теория маргинальности, правовая маргинальность, когнитивный диссонанс, аддикция, акцентуация, маргинальная личность, маргинальное поведение.

Key words: general legal theory of marginality, legal marginality, cognitive dissonance, addiction, accentuation, marginal personality.

Общеправовая теория маргинальности, формируемая в современном теоретическом правоведении, представляет собой систему полученных и производимых знаний, выдвигаемых гипотез и проблем об общих и специфических особенностях и закономерностях негативного влияния феномена отчужденности, “пограничности” и неадаптированности (маргинальности) на качество правовых отношений, а также состояние законопорядка в целом. Отдельное внимание данная теория уделяет историческим и современным процессам формирования маргинального поведения, опосредованным спецификой правосознания маргинальной личности (групп), получающим своё развитие в соответствии с существующей и функционирующей в настоящее время правовой культурой и правовой идеологией российского общества².

В широком общенаучном контексте правовая маргинальность выступает как феномен, об-

условливающий специфические свойства (качества) субъектов правоотношений, находящихся в “пограничной” ситуации (положении), проявляющиеся в различных формах правового отчуждения: раздвоении правовой реальности на мир “своих” и “чужих”; дисгармонии (дисбалансе) публичного и частного интересов; “параллельном” сосуществовании внутри официальной и неофициальной (теневой) правовой жизни; злоупотреблении правом, правовом идеализме и нигилизме, правовом конфликте, в совокупности ведущие к совершению правонарушений, в том числе преступлений.

В узком смысле маргинальность в юридической сфере – это осуществляемый на границе правомерного и противоправного процесс: а) поиска (идентификации) несостоявшегося, изменившегося либо утраченного правового статуса индивидуальных и коллективных субъектов права, формирующийся (сформировавшийся) в результате сложных и динамичных социальных преобразований, преимущественно транзитивного типа, а также: б) детерминации изменений личностно-субъективистских структур правового сознания, способствующий формированию маргинального поведения как пограничного (анормативного) между правомерным и противоправным видами поведения.

Для изучения последнего в рамках становления и развития общеправовой теории маргинально-

¹ Заведующая кафедрой «Теория и история государства и права» НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ»» (г. Казань), доктор юридических наук, доцент (E-mail: StepanenkoRF@yandex.ru).

Raviya Stepanenko, head of the Department “Theory and history of state and law” Scientific-educational institution of higher professional education «The Academy of management “TISBI”» (Kazan), PhD in Law, associate Professor (E-mail: StepanenkoRF@yandex.ru).

² См. подробнее: Степаненко Р.Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности / Под ред. О.Ю. Рыбакова. Казань, 2012.

сти, несомненно, важное значение с точки зрения социо- и правогенеза имеет проблема изучения социально-психологических механизмов детерминации маргинальных процессов и явлений в правовой среде, и в особенности в индивидуально-психологической структуре личности, находящейся в отчужденном, пограничном состоянии (обстоятельствах, положении) в контексте филогенеза (эволюции человеческой психики).

Под данным механизмом следует понимать систему взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга общесоциальных и психолого-правовых, в том числе юридических (индивидуальных и коллективных), элементов, таких как: политические, экономические, культурные и иные факторы, закономерности и особенности макро- и микросреды, а также внутренние специфические биопсихологические и духовно-нравственные свойства и качества отдельных субъектов правоотношений, опосредуемые в том числе недостаточной эффективностью правовой идеологии, низким уровнем правовой культуры, юридико-техническим несовершенством и т.д., которые обуславливают и предопределяют формирование и функционирование негативных проявлений маргинальности в социально-правовой реальности.

Механизм социально-биопсихологической, а также культурной (духовно-нравственной, этической, религиозной и др.) детерминации маргинальности, формирующийся кумулятивно с помощью индивидуальных и социальных предпосылок, требует самостоятельного междисциплинарного исследования, исходя из гипотез общеправовой теории маргинальности. Такая необходимость вызвана, по нашему мнению, тем, что правовая маргинальность, во-первых, выступает сложным, полиструктурным (как социально-правовым, так и личностно-субъективистским) явлением. Во-вторых, его изучение является не только социолого-правовым, оно не сводится исключительно к исследованию результатов резких изменений социальной обстановки (как правило, это периоды реформ и революций). Хотя безусловно новообразования, изменения, потрясения и кризисы в социальной (социогенез) и личностной сферах (антропо- и филогенез) и многое другое изменяют и формы взаимодействия индивида и государства, общества и, казалось бы, представляют решающими мегафакторами эволюционных, инновационных, а также трансформационных процессов, затрагивающих стабильность, результаты действия права и качество правоотношений (правогенез). Однако даже при учете перечис-

ленных обстоятельств сложно экстраполировать проблему маргинальности в правоведение только из сферы исследования социальных отношений, преимущественно относящаяся к изучению процессов модернизации и их последствий хотя бы потому, что даже в эти периоды остается большинство индивидов в своих устоявшихся статусно-позитивных параметрах, как правовых, так и социально-психологических. В-третьих, также представляется ошибочным полагать, что биопсихологические, психиатрические и иные патологии личности предстают доминирующими атрибутами маргинальности в качестве неустойчивых, пограничных (биологически, психологически, психически и юридически) деструктивно-специфических компонентов, выявляющих негативные качественные характеристики правовых “пограничных” состояний личности. В-четвертых, маргинальность, чаще всего воспринимаемая общественным сознанием как побочный продукт межкультурных темпоральных коммуникаций негативного свойства (проблемы безработицы, социального сиротства, миграции, гражданства и т.д.), все же не отождествляется только с ними. Хотя в современных транзитивных условиях необходимо понимать, что, например, безработица либо неадаптированная, спонтанная, стихийная миграция, социальное сиротство, проблемы материальной необеспеченности граждан и др. — одни из наиболее актуальных источников кратного увеличения маргиналов в российском обществе. В-пятых, правовая маргинальность не сводима лишь к структурно-ролевым или статусно-дифференцированным отношениям в социальной системе общества (проблема социально-экономического неравенства). Это ещё сфера антропологических, биопсихологических переживаний, эмоций, мотивов, порождающих коллизии, конфликты и др., являющихся и выступающих “аутодетерминантами” маргинального поведения. Содержание внутреннего мира человеческой психики, в том числе её отчуждённая природа в юридическом бытии и существовании, делает необходимым выявление и познание данных обстоятельств и факторов при помощи психоаналитической, бихевиористской и когнитивной теорий личности, в том числе при помощи правовой (юридической) психологии.

Каждый из перечисленных факторов может оказаться решающим при определении каузальной природы правовой (юридической) маргинальности в конкретном обществе. Однако их действие представляется оптимальным изучать и оценивать во взаимном сочетании, взаимосвязи и дополнении друг друга в составе соответствующего кумулятивного механизма. При этом

определенный фактор доминирует тогда, когда он в данный промежуток времени однозначно (преимущественно) подчиняет себе действие других факторов. Отметим при этом, что их исследование, измерение и диагностика могли бы явиться одним из актуальных направлений в изучении и практике правореализационной и правоприменительной деятельности соответствующих служб и структур государства.

Многогранность и нетипичность проявлений маргинальности в юридическом пространстве состоит в том, что она не может быть однозначно и предельно определена квалифицирована как только негативное явление правовой жизни. Повторимся, в режиме правовой маргинальности могут находиться люди, обладающие “нормальным” правосознанием, но подвергнутые испытанию тяжелыми, сложными или невыносимыми условиями этнокультурного, экономического, социального и личностно-психологического бытия. Отсюда и вытекает определенная “промежуточность”, “пограничность” их социально-правового положения, обозначаемая нами как ключевой элемент (компонент) маргинальности в ее полифункциональном, в том числе правовом, значении. Индивид или социальная группа в качестве потенциальных “носителей” правовой маргинальности могут находиться одновременно между нормой, девиантностью и делинквентностью (правомерным, отклоняющимся от нормы и противоправным поведением), в официальном (формальном) и неофициальном (неформальном) статусном положении. В этом в целом проявляется существенная специфика их юридического и социально-психологического нахождения в границах либо вне границ нормативного пространства, а также особенности “измерения” такого положения последним. Предложенное нами междисциплинарное понимание маргинальности выявляет *деструктивные правовые характеристики всеобщей отрицательной потенциальности психолого-правового* (в данном случае) *феномена “раздвоения личности”*. Вряд ли представляется возможным с абсолютной точностью прогнозировать, каким образом развернутся дальнейшие события в антрополого-юридическом бытии отдельных людей (групп) и каким образом право окажется необходимым и сможет быть полезным при решении сложных жизненных ситуаций, в том числе биопсихологического характера. Тем не менее исследование каузальной природы изучаемого феномена представляется нам важным для минимизации и преодоления процессов правовой маргинализации.

Проблема социально-правовой маргинальности, прямо или опосредованно находящаяся в сфере законодательного регулирования, обращает на себя пристальное внимание прежде всего субъектов правотворчества в области международного права. Еще в 90-х годах прошлого столетия в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/12 *маргинальность* рассматривалась как негативное социально-опасное явление, характеризующееся наличием в современных государствах значительного числа “рискогенных” групп переселенцев, мигрантов, беженцев, несовершеннолетних, воспитывающихся в неблагополучных семьях, лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и наркотическими средствами, и др. с *устойчивыми стереотипами нежелательного поведения*. Данная резолюция призывает обратить внимание на проблемы маргинальности государственные органы, институты правосудия и правоохранительные системы, средства массовой информации и ученых, *разрабатывающих программы и политику предупреждения правонарушений* в формате совместной деятельности Организации Объединенных Наций³.

Концепция правовой (юридической) маргинальности, активно разрабатываемая зарубежными (Д. Манчини, Р. Парк, Э. Стоуквист, Т. Шибутани и др.), а также с 70-х годов прошлого столетия – отечественными (Д. Зарипова, О. Нечаева, А. Никитин, В. Оксамытный, Е. Садков, Р. Степаненко и др.) исследователями, останавливающими свое внимание в том числе на изучении внутренних личностно-субъективистских аспектов механизма формирования отчужденных и пограничных правовых отношений, на сегодняшний день всё более приобретает и подчеркивает актуальность данной социогуманитарной, в том числе юридической и психологической, проблемы.

Становится очевидным, что научные идеи известных зарубежных и отечественных ученых (С.С. Алексеев, В.М. Горшенёв, В.П. Казимирчук, Ю.А. Тихомиров, Л.С. Явич и др.) о стадиях и элементах правовых механизмов, задействованных (в том числе) в формировании правоотношений маргинального свойства, могут и должны быть трансформированы и использованы для их применения как в научной, так и в практической отраслях юриспруденции. При этом следует оговориться, что маргинальность в научной правовой

³ См.: Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних: резолюция ГА ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/112 (принята в Эр-Рияде) // <http://base.garant.ru/12123837/>

сфере (при наличии определенных детерминант) как исследуемое, а также обосновываемое явление исторически формируется одновременно закономерно, стихийно, а также случайно. Поэтому стадии и элементы такого механизма выделяются в общеправовой теории маргинальности весьма условно и с расчетом на то, что они могут выявить, обозначить и продемонстрировать систему соответствующих детерминирующих факторов в их единстве и противоположности, прежде всего для конституирования прогностического знания в сфере превенции и предотвращения возможных ситуаций, связанных, например, с возникновением правовых конфликтов, совершением правонарушений и т.д.

В этом смысле представляется, что к основным элементам социально-психологического механизма детерминации негативных проявлений маргинальности в юридической сфере (элементы указываются нами в скобках), знания о которых важны, в том числе для правовой (юридической) конфликтологии, можно отнести:

1) недоведение до всеобщего сведения правовых принципов и норм, их недостаточно эффективная пропаганда (отсутствие либо пробельность, психолого-антропологическая “неосвязаемость” правовых смыслов и иной юридически значимой информации);

2) формирование в действующих нормах права моделей поведения, основанных на дисбалансе субъективных прав и юридических обязанностей, недостаточной эффективности мер юридической ответственности, а также на ином технико-юридическом несовершенстве (рассогласование психологических установок в структуре личности, ведущее к маргинальному поведению и ведению маргинального образа жизни – на границе правомерного и противоправного);

3) несогласованность целей и задач правового регулирования с потребностями и интересами, лежащими в основе юридического бытия субъектов права (существенная трансформация или разрушение ценностно-мотивационной, а также искажение эмоционально-волевой сфер личности, социальных групп в праве);

4) неосуществление, ослабление, игнорирование целесообразности проведения мероприятий правовой политики государства в области выявления, минимизации и преодоления правовой маргинальности (когнитивный диссонанс в психологической сфере, в своём большинстве детерминирующий правонарушающее и противоправное поведение, совершение преступлений).

В системе социально-психологических детерминант маргинальности в правовой области, безусловно, существуют и другие элементы. Онто-гносеологический статус познания правовой маргинальности может быть значительным образом повышен путем использования научно-исследовательского междисциплинарного или же мультидисциплинарного синтеза (синергии) социогуманитаристики и естественно-гуманитарной сферы науки, при помощи которого появится возможность на вероятностном, функциональном, генетическом и других уровнях концептуально изучить искомый феномен в том числе при помощи общеправовой теории маргинальности. Коррелирующие задачи социальной психологии и теоретико-правовой сферы исследования маргинальности состоят в поиске и нахождении алгоритмов эффективных механизмов, выявляющих и способных влиять на минимизацию и преодоление изучаемых процессов, одной из начальных стадий которых является ситуация когнитивного диссонанса, возникающая в структурах личностей, особенно оказавшихся в маргинальном положении⁴.

Для этого, на наш взгляд, важными в синтетическом познании общенаучных (междисциплинарный уровень) и общеправовых проблем правовой маргинальности (на межотраслевом и внутриотраслевом уровнях) становятся идеи и гипотезы современной теории когнитивного диссонанса, разработанные в ходе многолетних исследований А. Адлером, Г. Салливаном, Л. Фестингером, З. Фрейдом и другими зарубежными учеными, являющимися основоположниками разнообразных направлений и подходов в теории личности.

Возникновение когнитивного диссонанса в личностно-психологической структуре субъектов правоотношений, в том числе маргинальных, в контексте данной теории обосновывается в первую очередь достаточно стабильным влиянием диссонирующего эффекта “отчужденности” и “обособления” от социально-правовых императивов когнитивных структур антропосферы в силу многофакторного комплекса причин. В правовой сфере это означает, что отрицательная динамика социально-правового положения лиц, находящихся в маргинальной ситуации (обстоятельствах), сопровождающаяся так называемым поиском своего места в жизни (субъективистско-психологическим поиском определенности в социально-правовом пространстве), первоначально связана

⁴ См. подробнее: Степаненко Р.Ф. Когнитивный диссонанс в структуре маргинальной личности // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 196, 197.

всегда как с дефицитом правовой информации, так и с незнанием, непониманием и нежеланием использовать организационно-юридические способы адаптации к сложившейся правовой ситуации и новым социальным связям (когнитивный “вакуум”), в которых оказывается или пребывает маргинальный субъект.

По своей природе когнитивный диссонанс понимается (по Л. Фестингеру) как состояние индивидуального сознания (в котором возникают два противоположных представления об одном и том же объекте), приводящее к определенным действиям, направленным преимущественно на уменьшение, в частности, психолого-биологических неудовлетворённостей (голод, жажда – утоление). Юридическая ситуация диссонанса также сопровождает нас практически повсюду и ежедневно. Правовой диссонанс возникает, может сохраняться или исчезать либо становится явлением постоянным, например незнание “договорного права” может привести к неграмотному поведению в коммерческой деятельности и в отсутствие компенсирующих факторов (юридической помощи) повлечь колоссальные убытки для субъектов права, тем более находящихся в маргинальной ситуации. В этой связи Л. Фестингер отмечает: “Есть определенные области познания: умения, навыки, установки, ценности, верования людей (когниции), где существование диссонанса – самая обычная вещь”⁵, в нашем случае зачастую влекущая неблагоприятные правовые последствия.

Помимо этого в зарубежной и отечественной научной литературе, в том числе общеправовой теории маргинальности, подчёркивается, что причинами диссонанса, “порождающими” маргинальную ситуацию, могут быть как внешние (социально-правовые), так и внутренние (индивидуально-психологические) факторы. Процесс развития и усугубления когнитивного диссонанса в совокупности формирует у индивидов целый комплекс социально-психологических негативных последствий: дисгармонию, потерю самодостоинства, разнонаправленные траектории “поиска себя”. Кроме того, маргинальный статус потенциально является, как отмечает социальная психология, источником невротических симптомов тяжелых депрессий⁶. Следовательно, дефицит юридических (в совокупности со спецификой психологического “пограничного” и “отчужден-

ного” положения) знаний, а также нежелание их получить могут повлечь за собой социально-правовое неблагополучие и личный духовно-психологический дискомфорт, в купе провоцирующие правовые “разногласия” и “конфликтотенность” в решении наиболее жизненно важных, в том числе юридических, вопросов для маргинального субъекта. Несогласованность целей, задач правового регулирования с потребностями и интересами, лежащими в основе юридического бытия субъектов права, далее влечет за собой существенную трансформацию, лабильные (неустойчивые) или депрессивные по отношению к правовым предписаниям состояния или разрушение ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой сфер личности (групп).

Следующий элемент рассматриваемого механизма характеризуется тем, что в состоянии дисгармонии (рассогласования) интересов законодателя и индивидуальных (коллективных) субъектов права утрачивается (снижается, обесценивается) роль закона как в целом “превращенной” формы отчуждения или “транзитивного” пребывания человека в правовой сфере. Маргинальный субъект специфически способен осознавать и признавать закон целенаправленной сознательной творческой правовой деятельностью в надежде на справедливую регламентацию и соблюдение в первую очередь его собственных законных прав и интересов. Однако, будучи формально закрепленным в тех или иных юридических источниках, заключая в себе систему этических в своём большинстве (оправданно или не всегда оправданно) императивов, закон зачастую становится внешне чуждой и “неведомой силой” прежде всего для социально незащищенных, либо социально неблагополучных (маргинальных) субъектов. Такая внутренне напряженная, а иногда и интеллектуально неразвитая в правовом смысле маргинальная личность занимает весьма “эластичное” или “окраинное” место в социально-нормативной структуре общества. Не понимая целей законодательных инициатив, в своём большинстве чуждых для восприятия её собственных смыслов права, такая личность, тем не менее, вынуждена “включаться” в систему социальной мобильности для поиска *собственной правовой самоидентификации* с целью получения ответа на вопрос: “Кто я, кто мы есть в правовой сфере? Зачем мы нужны государству и обществу, а для реализации каких задач они необходимы нам в нашей повседневной деятельности?” Впрочем, ответы на данные вопросы волнуют не только маргинальных субъектов, но возникают и в “нормальном”, обыденном правосознании вполне законопослушных граждан.

⁵ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб., 2000. С. 25.

⁶ См.: Агапов Д.А. Социальная психология маргинальности в изображении литературы. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 2004.

В специальной литературе известно высказывание дореволюционного философа И.А. Ильина о том, что «нормальное правосознание “есть прежде всего воля к цели права, а потому и воля к праву; а отсюда проистекает для него и необходимость жизненно осуществлять его, то есть бороться за право”»⁷, осознавая и признавая ценность права.

Между тем попеременное отношение к праву – то как к цели, то как к средству (государством и личностью) в зависимости от социальных, экономических, политических или иных конъюнктурных соображений, а также отдельных не всегда обоснованных предпочтений законодателя и правоприменителя сегодня обуславливает одно из репрезентирующих маргинальность проявлений – “правовой диссонанс”. Частичная или же полная утрата в юридических текстах телеологических ценностей права влечет за собой маргинализацию правового сознания в целом на индивидуальном и коллективном уровнях – и обыденного, и профессионального⁸.

Для нас в данном контексте принципиально важно то, что с точки зрения целей законодательного регулирования девальвация в нём правовых ценностей может иметь место тогда, когда индивид, социальная группа в силу различных жизненных обстоятельств не могут или же оказываются неспособными выработать устойчивое позитивное отношение к нему, осознать и воспринять его позитивный и общественный смысл мотивационно-волевой сферой, если закон “рассогласован” с пониманием права как, по мнению Президента РФ В.В. Путина, символа Справедливости, Равноправия и Правды⁹.

“Россиянам как культурной общности, являющейся носителем специфического правового менталитета, традиционно присущи синкретизм и этикоцентризм правопонимания, ориентирующие на малозначимость и недостаточную регулятивную ценность *формального права*, что объективно служило и служит внутрикультурным фактором девальвации правовых ценностей в личном и общественном сознании и распространения правового нигилизма”¹⁰.

Аксиологическое содержание личностно-субъективистских взглядов индивида или социальной группы на право, “не вписывающееся” в объективно сложившуюся систему “законодательных ценностей”, а в крайних проявлениях – бросающее им вызов и “идущее на конфликт”, создаёт питательную среду для дальнейшей маргинализации правосознания граждан на групповом и индивидуальном уровнях, в том числе в общественно опасных формах.

Кроме изложенного существенное значение на данном этапе имеет не только деформация ценностно-мотивационного блока психических или же психолого-правовых качеств личности, но и искажение её эмоционально-волевой сферы. Следует уточнить, что данная личностная сфера маргинальной личности имманентно представлена неискренним, неточным, порочным, ложным или ошибочным представлением о нормативном правовом пространстве, отражающим совокупную правовую реальность весьма своеобразно с точки зрения специфики “пограничного” сознания такого индивида (группы). По своему назначению, например, эмоция должна придавать особый “акцент”, скреплять и окрашивать в яркие позитивные тона чувства, ощущения и переживания лица, связанные с правом. Эмоции же маргинального субъекта, обусловленные отчуждением, дезадаптацией (слабой адаптацией) и дезидентификацией своего юридического положения в социальном пространстве, характеризуются относительно размытым (диффузионным) характером и неустойчивостью. В них доминирует негативно-правовой оттенок. Неадаптированная к новым социальным условиям и (или) не интегрированная в состав традиционных (реципиентных, модальных) социальных групп (в частности, мигранты), значительная масса маргинальных субъектов, соответственно, не обладает или обладает недостаточным эмоционально-волевым позитивным ресурсом для достижения правомерных целей. Сознательно управлять правовыми эмоциями и чувствами, руководить своими практическими действиями они либо не желают, либо не способны, почему их поведение и определяется как “пограничное” – правомерное по форме и внеправовое либо аномативное по содержанию, т.е. как способ (вид) жизнедеятельности субъектов, характеризующийся конформистским либо индифферентным, нигилистическим, а в крайних формах – агрессивным отношением к правовым предписаниям, обуславливающий предрасположенность к совершению правонарушений, в том числе преступлений¹¹.

⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 22.

⁸ См.: Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности // Уч. записки Казанск. гос. ун-та. Т. 155. Кн. 4. 2013. С. 46–55.

⁹ См.: <http://www.kremlin.ru/news/46805>, свободный (Дата обращения: 01.12.2015 г.).

¹⁰ Пишдадок В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2007. С. 10.

¹¹ Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Казань, 2015. С. 24, 25.

Если же посмотреть на психолого-правовую картину, сопровождающую данную стадию анализируемого механизма, то в ней преобладают ситуация диссонанса между социально-правовыми задачами норм права и личностными, в том числе когнитивными, установками, а также отсутствие мотивации в принятии правил поведения, конституируемых законом и игнорируемых маргинальными субъектами или же искусственно приспособляющихся к ним (правовой конформизм).

В контексте данного положения такой диссонанс у маргинальных субъектов возникает, во-первых, в связи с логическим несоответствием в их психологии понимания “сущего” и “должного”; во-вторых, из-за несогласованности прошлого правового опыта с настоящим; в-третьих, в силу сложившихся в этой маргинальной общности собственных внеправовых обычаев, традиций и по другим причинам. В юридическом контексте важно понимание того, что именно отдельная культура (субкультура), общность или субъект правоотношений социально-психологически определяет, что является для него “идеальным” или “желаемым” в праве. Например, получение ребенком воспитания в неблагополучной семье или осуществление государством воспитательных функций в ситуации, когда родители лишены судом родительских прав и др., приводят к таким последствиям, что в данной жизненной ситуации уровень правосознания несовершеннолетних, знание и уважение ими законов, как правило, крайне низок или отсутствует вообще. Ребенок в этих условиях оценивает такое отношение к праву как “нормальное” и вполне “правомерное”. Но оно будет в своём большинстве диссонансным по отношению к официальным требованиям правовых норм. Необходимо помнить, что в основе формирования маргинального правосознания лежат культурные обычаи той общности, в которой рождается и формируется эта личность. Минимизация и устранение таких негативных явлений – задача антимаргинальной правовой политики, выстраиваемой с позиций нахождения оптимального баланса интересов государства и личности, в том числе маргинальной.

Помимо достаточно устойчивого негативного влияния социального окружения маргинальной личности, как нами отмечено, не менее важным условием возникновения когнитивного диссонанса в ее структуре являются прежде всего *вынужденные* изменения в образе жизни. Всякая трансформация, например в профессиональной, личной сферах, вынуждает индивида изменять существующую ценностную систему взглядов

(когниций) и обуславливает стремление интериоризировать их в согласовании с новым статусом (приобретённым или же “пограничным”).

Л. Фестингер пишет, что “1) возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, должно всё-таки мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и, по возможности, следовать достижению консонанса; 2) в случае возникновения диссонанса помимо стремления его уменьшить индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию”¹². Последнее положение предметно и актуально для изучения маргинального поведения в правовой сфере, характеризующегося в одном из случаев индифферентным (инфантильным) отношением к праву, которое при соблюдении предложенных общеправовой теорией маргинальности общесоциальных и юридических мер возможно спроецировать в позитивном русле.

На следующей стадии формирования в действующих нормах права моделей (правил) поведения, основанных на дисбалансе субъективных прав и юридических обязанностей, неэффективности мер юридической ответственности, а также ином технико-юридическом несовершенстве (маргинальный образ жизни и маргинальное поведение на границе правомерного и противоправного) выделенного нами механизма, ситуация когнитивного диссонанса обостряется и может иметь место тогда, когда действующий закон по содержанию не ставит целью реальное и подлинное установление юридического статуса маргинальной личности, обеспечение её охраны, защиты и гарантированности. Такой нормативный правовой акт обычно лишь формально регулирует насущные потребности и интересы общества (индивидов) и, как отмечалось, преимущественно удовлетворяет партикулярные интересы государства (отдельных групп), а в итоге нивелирует острые социальные правовые проблемы путем либо: а) излишне либерального или декларативного варианта конструирования правовых связей между государством и личностью, либо: б) чрезмерно жесткой, принудительной расстановки акцентов в формулировании субъективных прав и юридических обязанностей. В том и другом случаях такой нормативно-правовой акт не учитывает темпоральных особенностей психологической сферы субъектов правоотношений и обуславливает *значительную ценностную отчуждённость* от базовых, общесоциальных целей и задач права.

¹² Фестингер Л. Указ. соч. С. 17.

В своем диссертационном исследовании О.А. Корнилова отмечает: «Наиболее характерными для современной культурной ситуации является такое проявление маргинальности, как ценностное отчуждение. Все типы отчуждения так или иначе концентрируются в сознании индивидов в ценностном отчуждении, которое, в свою очередь, находит свое проявление в различных психологических состояниях, отражающих субъективно-объективные противоречия (состояние бессилия), раскол между частью и целым (потеря смысла существования), разрыв единства между социальным и индивидуальным (потеря идентификации)», в результате чего и возникает ощущение отстраненности, непричастности к ценностям данного общества, формируется негативное морально-психологическое состояние субъекта»¹³, в том числе ведущее к совершению противоправных и общественно опасных деяний.

С точки зрения методолого-психологического обоснования формирования на данной стадии маргинального образа жизни – анормативного (неправового или объективно-противоправного) поведения следует отметить, что в сфере общественных наук перманентно дискутируется возможность использования и в некоторых работах уже находят своё применение естественнонаучные методы объяснения социально-правовых явлений негативного характера. Такие исследования рассматривают, например, соотношения наследственности и социальных факторов в качестве факторного комплекса причинности совершения правонарушений, в том числе преступлений, а также наличие особенностей биологического, психологического и социального в системном видении проблем правонарушаемости в целом.

Так, А. Адлер считал, что образ жизни маргинальных индивидов или их «стиль жизни» – это системная основа функционирования личности, целое, которому подчинены части. Этот стиль формируется с детства еще до пятилетнего возраста, т.е. маргинальность, безусловно, есть неотъемлемая характеристика правовой жизни микросообщества, и негативизм отдельных форм её проявления, а также соответствующие им психические, эмоциональные качества личности приобретаются ею в процессе социализации, а часто обе причины действуют в совокупности (системе). Автор выдвигает интересную идею креативного Я, в соответствии с которой человек сам творит свою личность из «сырого материала»

*наследственности и опыта. Креативное Я – это активное начало человеческой (биопсихологической и социальной. – Р.С.) жизни. Именно это понятие объясняет представление А. Адлера о человеке, который может и должен стать хозяином своей судьбы, а не ее жертвой*¹⁴.

По схеме А. Адлера в ситуации, когда противостоят образ жизни либо поведения маргинальных лиц с правовой реальностью приводит к нарушениям нормативно-ценностной системы и резкой акцентуации тех или иных ценностных и поведенческих установок последних, возникает *потребность оказания давления на поведение таких индивидов, в том числе на их психику*¹⁵. Правда, каким образом возможно осуществление такого опыта, автор не указывает.

Однако в юридической сфере, на наш взгляд, такое воздействие возможно при помощи разумно и научно обоснованной и осуществляемой правовым образом соответствующей идеологии государства. В случае если попытки оказания такого воздействия являются неэффективными или безуспешными, не приводящими к желаемым результатам, в том числе чрезмерно жесткими, то состояние дисбаланса между требованиями нормы права и индивидуальным *правосознанием* может вызывать «напряжение» и инициировать ситуации правового (юридического) конфликта. Исследованиям состояний нежелательной, негативной социально-правовой «отчужденности» и «разбалансированности», впоследствии обуславливающим рост негативных проявлений маргинализации, на наш взгляд, должно быть уделено пристальное внимание юридической науки и правовой психологии.

К числу механизмов формирования правовой маргинальности необходимо отнести также биопсихологические и зачастую психиатрические особенности характера маргинальных индивидов, которые в общеправовой теории маргинальности обозначаются такими психолого-правовыми понятиями, как «акцентуация» (доминирование каких-либо свойств личности) и «аддикция» (чрезмерная зависимость от чего-либо). Являясь специфическим свойством духовно-нравственной, биопсихологической, в том числе эмоционально-волевой, сфер личности маргинала, акцентуации и аддикции формируют такое его поведение, которое находится на границе, пределе нормативно-одобряемого, желательного

¹³ Корнилова О.А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма. Дисс. ... доктора психол. наук. М., 2012. С. 34, 35.

¹⁴ См.: Кэлвин С. Х., Гарднер Л. Теория личности / Пер. с англ. И.Б. Гриншпуг. М., 2000. С. 116–120.

¹⁵ Adler A. The practice and theory of individual psychology. New York, 1927. С. 27.

поведения. Они же (акцентуации и аддикции) значительно усложняют процессы социальной адаптации, а также оказывают деформирующий или же деградирующий характер на состояние правосознания маргинала.

Немецкий ученый, исследователь и основатель социально-психиатрической теории “акцентуированной личности” К. Леонгард считает: “Акцентуации – это, в сущности, те же индивидуальные черты, но отличающиеся тенденциями к переходу в патологическое состояние, разрушающее структуру личности. В акцентуированной личности вообще в зависимости от социальных условий, в которых происходит их жизнедеятельность, между тем заложены как возможности социально-позитивных, так и социально-деструктивных проявлений”¹⁶. Но маргинальная акцентуированная личность, находящаяся в “пограничных” состояниях, представляет собой особый нестойкий, неустойчивый, отчуждённый, “пороговый” тип личности, в которой К. Леонгард не находит *единства личностной структуры*.

В контексте данной теории, а также с помощью концепции “акцентуированной личности” В.А. Бачинина¹⁷, к таковому, на наш взгляд, можно отнести:

конформный тип – с преобладанием адаптивно-приспособленческих реакций, готовый подчиняться давлению обстоятельств, мнению большинства, иногда силе авторитета, однако не всегда способный противостоять внешнему давлению (запретам, обзыванию). Такой вид акцентуированной личности чаще всего безразлично относится к социальным и юридическим требованиям и новшествам. Общеправовая теория маргинальности относит поведение таких типов к индифферентному (внешне конформистскому) по отношению к нормам права;

неустойчивый тип – характеризуется безволием, пассивностью, равнодушием к своему будущему, тяготением к праздному времяпровождению, неспособностью получать удовольствие от труда или иной социально-полезной деятельности, уклонением от долга и ответственности, склонностью к эскапизму (“бегству” от проблем), в том числе при помощи искусственных транквилизаторов, алкоголя, наркотиков и др. Этот тип в целом проявляет неуважение к социально-правовой нормативной системе и чаще всего отри-

цательно (нигилистически) относится к нормам права, поэтому способен их нарушать;

истероидный тип – склонен к конфликтам, скандалам, эксцессам, к экстравертной эмоциональности, иждивенческим и анархическим поведенческим реакциям, к стремлению установления своего авторитарно-престижного положения, характеризуется частым впадением в депрессию, неприятием и отрицанием закона, а также расположенностью к противоправному поведению. Такой тип личности склонен к агрессивному отстаиванию своих реальных и мнимых прав и интересов, перманентному созданию и развитию конфликтных ситуаций и т.д.

Динамика акцентуаций характера и поведения маргинальной личности зависит, как отмечает общеправовая теория маргинальности, от разнообразных неблагоприятных факторов, в том числе особенностей биопсихосоциокультурного характера, и проявляется в создании разнообразных форм конформного, инфантильного, эмоционально-лабильного, агрессивного и аутоагрессивного анормативного (внешне правомерного, внутренне неправомерного и объективно противоправного) маргинального поведения.

Соответственно, в зависимости от типа маргинальной акцентуированной личности находится и характер её отношения к правовым предписаниям. Конформный, инфантильный и в некоторых случаях лабильный тип, по нашему предположению, индифферентен к нормам права. Сенситивный (сверхчувствительный), психоастенический либо шизоидный типы таких личностей характеризуются, на наш взгляд, нигилистическим и агрессивным отношением к праву, хотя и они не всегда и не обязательно совершают правонарушения.

Исследования аддиктологии как психологии и психотерапии зависимостей также не менее важны для теоретического правоведения, в том числе общеправовой теории маргинальности. В сферу изучения таких биопсихологических личностных и специфических характеристик или же болезненных состояний маргиналов, как алкоголизм, наркомания, азартное поведение, сексуальные аддикции¹⁸, религиозные и иные ортодоксальные предубеждения входят также связанные с этими “зависимостями” правовые последствия для данных и окружающих лиц.

Эта область знания как относительно новая научная сфера социальной медицины исследует психологию и психотерапию зависимостей, изучает

¹⁶ Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В. Лещинской. М., 2001. С. 14.

¹⁷ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 46–48.

¹⁸ См.: Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М., 2006.

их “химические” и “эмоциональные” виды. К психоактивным веществам, которыми в том числе злоупотребляют лица с негативными формами маргинального поведения, по определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), относятся наркотики и официально причисленные к ним вещества, алкоголь, никотин, а также ряд средств лекарственной и бытовой химии. Острейшей проблемой современности является употребление так называемых спайсов, аддиктивные свойства которых видоизменяют психические состояния личности в особо опасных формах, ведут к агрессии и аутоагрессии, крайне нежелательным и общественно опасным для правовой сферы. *Исключительно опасной формой аддикций является маргинальное поведение экстремистской и террористической направленности, детерминированное, в частности, “психоэмоциональной”, “биохимической” и другими видами зависимостей.*

Аддикта, по мнению российского психотерапевта Г.В. Старшенбаума, характеризует стремление к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния, развития и поддержания интенсивных эмоций, в том числе посредством приема психоактивных веществ. При этом автором выделяются пять этапов развития аддикции: 1) человек открывает способ, с помощью которого может сравнительно легко менять свое психическое состояние; 2) он привычно использует этот способ в трудные моменты; 3) аддиктивное поведение становится частью его личности и не подлежит критике; 4) аддиктивная часть личности полностью определяет жизнь аддикта; 5) разрушается психика и преобладают биологические процессы в организме¹⁹, что способствует патологическому изменению и последующей деградации социально-психологической и духовно-нравственной структуры личности (особенно маргинальной) и детерминирует ее противоправное либо в целом асоциальное, чаще всего уже *неосознаваемое и неконтролируемое* этой личностью поведение. К таким типам личности, в особенности находящимся в маргинальном положении (социальная, культурная, возрастная маргинальность), относятся “гебоиды” (бесчувственные, неэмоциональные личности). “Гебоид – термин, предложенный Кальбаумом (1889) для обозначения изменений личности по психопатическому или психопатоподобному типу, наблюдающейся в юношеском возрасте и характеризующейся наклонностью к асоциальным поступкам”²⁰.

Изучение данных специфических биопсихологических и психиатрических состояний субъектов правоотношений важно для правоправедения (теории и практики) в контекстах изучения вопросов дееспособности, исследований возрастных особенностей правонарушителей для привлечения их к разным видам юридической ответственности, рассмотрения проблем вменяемости, аффективности, необходимой обороны и иных институтов применения и использования наказаний уголовного, уголовно-исполнительного, а также гражданского, административного и других отраслей права.

Рассмотренные в данной работе проблемы изучения социально-психологических механизмов детерминации правовой маргинальности позволили исследователям общеправовой теории маргинальности сформулировать отдельные гипотезы, положения и выводы, разъясняющие, по нашему мнению, последствия ведения маргинального образа жизни и маргинального поведения. Они проявляются в виде:

1) сублимации, т.е. возможности преобразования, смены негативной поведенческой мотивационной сферы на позитивное правомерное поведение; 2) эскапизма – “забвения” либо “ухода” от проблем через использование искусственных возбuditелей (алкоголь, наркотики, иные транквилизаторы); 3) фрустрации, т.е. пребывания в состоянии безысходности, отчаяния, неверия и аномии, в особенности в структуре акцептуированной или аддиктивной личности, в совокупности ведущей к агрессии, в том числе аутоагрессии; 4) протестной реакции, т.е. совершения правонарушений, в том числе преступлений, создания конфликтных ситуаций противоправного и общественно опасного характера (бунт, мятеж по отношению к причинам сложившегося маргинального положения или обстоятельств, совершение противоправных деяний, актов экстремистской или террористической направленности)”²¹.

Социально-психологический механизм детерминации правовой маргинальности, в том числе, юридический и психологический когнитивные диссонансы, ведущие к правовому “резонансу” в структуре личности, находящейся в “пограничной” ситуации (обстоятельствах), есть чрезвычайно сложная система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, которые в совокупности порождают и определяют либо её (личности) “вход” в социально-правовое

¹⁹ См.: там же. С. 8, 9.

²⁰ Леонгард К. Указ. соч. С. 20.

²¹ Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности. С. 21, 22.

пространство, либо в конечном итоге “исход” из социальной и правовой реальности. Это направление заслуживает, на наш взгляд, отдельного концептуального изучения юридической наукой и психологией.

В целом позитивное влияние на ситуацию правового когнитивного диссонанса, происходящую в структуре маргинальной личности, возможно. Оно может быть максимально эффективным, если будет обосновываться (в науке и практике) не только на индивидуальном уровне, но предназначаться и для маргинальных групп (страт, общностей), в особенности испытывающих потребность в оказании им социально-экономической, психологической, правовой, медицинской и иной помощи и поддержки со стороны государства (социально-адаптационная, реабилитационная и другие направления антимаргинальной правовой политики)²².

Психологический метод “снятия напряжения” между выполнением субъектами правоотношений условий действия и задач правовой нормы и позитивной мотивацией индивидуального, в том числе маргинального, поведения, обосновать достаточно сложно. С точки зрения формирования стратегий социально ориентированной антимаргинальной правовой политики здесь требуется прежде всего сокращение резкой социально-экономической, культурной, духовно-нравственной

и иной дифференциации в обществе, однозначно являющейся одной из ведущих причин правовой маргинальности. Государством должны предусматриваться меры по снятию социально-экономического дисбаланса и социальной неудовлетворенности граждан в конечном счете для проведения в жизнь научно обоснованной правовой политики, направленной на оказание адресной и реальной помощи как социально незащищенным маргинальным стратам, так и законопослушным группам, получающим разную степень вреда от негативных проявлений маргинализма. В правовом социальном государстве юридический аспект взаимоотношений личности и государства должен выстраиваться в контексте такой правовой политики, где процессы консолидации, согласия во имя общего блага есть мейнстрим во взаимодействии основных субъектов правоотношений (государства и личности).

В современных условиях реализация таких гармоничных взаимоотношений предполагает наличие соответствующих социально-экономически, политически, морально и культурно обоснованных и реализуемых программ, выдвигаемых с учётом экономических возможностей и потребностей всех субъектов правовых отношений. Их обоснование есть одна из задач теоретического правоведения в сфере отечественной юридической научной рациональности²³.

²² См.: Степаненко Р.Ф. Понятие, основные виды и направления правовой политики в сфере правового регулирования процессов маргинализации // Право и политика. 2014. № 4. С. 493–504.

²³ См.: Рыбаков О.Ю. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства // Стратегии правового развития России / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2015. С. 16.